

Говард Филлипс Лавкрафт

Изгой

(The Outsider)

Несчастен тот, кому воспоминания о детских годах приносят лишь страх и печаль. Жалок тот, кто, оглядываясь, видит позади лишь нескончаемое одинокое существование в огромных мрачных залах с драпированными темнотой стенами и рядами навевающих тоску древних книг; бесконечное бессонное ожидание чего-то - чего? - в сумеречных рощах, среди наводящих благоговейный ужас деревьев, - огромных, причудливых, оплетенных лианами, безмолвно качающихся в вышине искривленными ветвями... Вот как щедро был оделен я богами - одинокий, отвергнутый, сломленный, сдавшийся. Но отчаянно цепляюсь я даже за эти блеклые воспоминания, в них скрываюсь, бегу я мыслей о том, что случилось после...

Мне неведомо, где я появился на свет. Самое раннее мое воспоминание - этот замок, бесконечно древний и бесконечно ужасный, его бесчисленные мрачные галереи, высокие потолки, затянутые мраком и паутиной, камни полуразрушенных коридоров, покрытые мерзкой сыростью, и этот проклятый запах - будто дотлевают погребальный костер ушедших поколений. Сюда никогда не проникает свет, и я привык зажигать свечу и любоваться пламенем - ведь солнца нет и снаружи, - кошмарные деревья, поднявшиеся выше башен, заслоняют его. Одна лишь черная башня вздымается над лесом, уходя вершиной в неизвестность распаханного неба. Но башня эта сильно разрушена и подняться на нее почти невозможно, - разве что карабкаться, уступ за уступом, по отвесной стене.

Не знаю, сколько лет провел я здесь. Я не ощущаю течения времени. Кто-то заботился обо мне, но я не видел ни одного живого существа, кроме крыс, пауков и летучих мышей. Тот, кто растил меня, видимо, был ужасающе стар, ибо мое самое первое представление о человеческом существе - нечто перекошенное, ссохшееся, захиревшее, как этот замок.

Для меня были привычны кости и скелеты, наполнявшие каменные склепы глубоко под землей, среди глыб фундамента. Для моего изуродованного воображения они были реальней живых существ, чьи образы я находил на цветных рисунках в древних замшелых книгах, - тех книгах, благодаря которым я знаю все, что я знаю. У меня не было учителей, меня никто не подгонял и не наставлял; все эти годы я не слышал звуков человеческого голоса - даже собственного. Мне не приходило в голову читать вслух.

В замке не было зеркал, и я представлял себя похожим на портреты молодых людей из книг. Я ощущал себя молодым, ведь я так мало помнил.

Я перебирался через ров с гниющей водой и шел в лес, где под темными безмолвными деревьями грезил о том, что прочел в книгах. Я представлял себя в гуще веселых толп, в том солнечном мире, что лежит за бесконечным лесом.

Я пытался вырваться отсюда, но стоило мне отойти от замка, как сумерки сгущались, ужас пропитывал воздух, и я опрометью бросался назад, страшась заблудиться в немых

лабиринтах теней.

В этом нескончаемом полумраке я жил, мечтал и надеялся - сам не зная на что. И когда, истомленный сумрачным одиночеством, я не смог больше сдерживать исступленного стремления к свету, я простер руки к одинокой черной полуразрушенной башне, вздымающейся в неведомое небо. Я решился взобраться на башню, даже рискуя разбиться - лучше увидеть небо и погибнуть, чем существовать в вечной тьме.

В сырой полумгле я взобрался по древним выщербленным ступеням, а после продолжил свой безумный подъем, цепляясь за мельчайшие выступы в стене. Ужасной и зловещей была эта черная мертвенная развалина, полная бесшумно парящих нетопырей.

Но неизмеримо более ужасна была незыблемость мрака, и озноб сжимал меня ледящей хваткой древних заплесневелых стен.

Дрожа, не смея поднять глаза, я терзался догадками о том, почему не становится светлее. Неужели внезапно опустилась ночь? Свободной рукой я стал шарить в поисках оконной амбразуры, чтобы посмотреть, как высоко я взобрался.

И тут, слепо ползущий по вогнутому своду над пропастью, я коснулся головой твердой поверхности. Должно быть, я достиг кровли, или, по крайней мере, пола следующего яруса. Свободной рукой я ощупал каменную и непреодолимую преграду, опирающуюся на выступы сырой стены, но вот под моей судорожно ищущей рукой камень чуть подался - и я рванулся вверх, пытаясь поднять плиту головой.

Я думал, что мое восхождение закончено - ведь наверняка это пол наблюдательной площадки. Я выбрался наверх через люк, стараясь не дать упасть тяжелой крышке, но не сумел. Было все так же темно. Я лежал в изнеможении на каменном полу, слыша зловещее эхо захлопнувшегося люка. Мне оставалось надеяться, что я смогу его открыть, когда это понадобится.

Я был уверен, что поднялся уже на огромную высоту, гораздо выше проклятого леса, и я заставил себя встать с пола и принялся наощупь искать окно, чтобы увидеть, наконец, то небо, те звезды и луну, о которых так долго мечтал. Но меня ждало горькое разочарование: вокруг были только бесконечные мраморные полки, уставленные разнообразными ящиками. Какие древние секреты могли таиться здесь в вышине, отрезанные от земли жуткой пропастью времени? И тут я наткнулся на дверной проем с каменным порталом, покрытым странной грубой резьбой. Собрав остатки сил, я открыл тяжелую дверь - и безмерный восторг охватил меня: сквозь железную узорную решетку, к которой вел короткий пролет каменной лестницы, светила полная луна во всем своем спокойном блеске, луна, образ которой я лелеял в мечтах, в тех смутных видениях, которые не смею назвать воспоминаниями.

Я бросился вверх по ступенькам, но вдруг луна скрылась за облаком. В наступившей тьме я споткнулся и замедлил шаги. Наощупь я добрался до решетки. Она была не заперта, но я не решился идти дальше, боясь сорваться вниз.

И тут вышла луна.

Никогда прежде я не испытывал такого чудовищного потрясения, такого внезапного и беспредельного ужаса, как в этот миг, когда непостижимое открылось моему взору. Не было головокружительной высоты и расстилающегося внизу бесконечного леса. Вокруг была твердая поверхность. Со всех сторон виднелись мраморные плиты и колонны, невдалеке стояла древняя каменная часовня с призрачно мерцающим в свете луны полуразрушенным шпилем.

Я открыл решетку и, пошатываясь, ступил на посыпанную гравием дорожку. Мой разум, бесконечно ошеломленный и обескураженный, все так же неистово рвался к свету, и даже такое невероятное чудо не могло сбить меня с пути. Я не знал, и не желал знать, что происходит со мной, что это - безумие, сон или колдовство, но я желал любой ценой насладиться великолепием и блеском нового мира. Я не знал, кто я, что я, откуда я, но, идя вперед, я вдруг стал ощущать что-то вроде скрытой доселе памяти, благодаря которой мой путь не всегда определял случай. Я миновал плиты и колонны и через арку вышел на луг, где лишь замшелые камни указывали на проходившую здесь некогда дорогу; я переплыл быструю реку в том месте, где только древние развалины напоминали о давно исчезнувшем мосте.

И вот, наконец, я вышел к древнему, увитому плющом замку, стоящему посреди запущенного парка, - до безумия знакомому и ошеломляюще непривычному. Я узнал заполненный водой ров, несколько знакомых мне башен исчезли, а к замку было пристроено новое крыло - как будто бы специально для того, чтобы смутить прежнего обитателя. Но мой восхищенный взор был уже прикован к распахнутым окнам, сияющим ярким светом, к рвущимся наружу звукам буйного веселья. Заглянув в окно, я увидел компанию странно одетых людей, весело болтающих друг с другом. Я никогда не слышал человеческой речи и мог только смутно догадываться, о чем идет разговор. Лица некоторых из них будили во мне отзвуки давно забытых воспоминаний, другие были совершенно незнакомы.

И я шагнул через низкое окно в блистающую огнями залу, сделал шаг от мгновенного проблеска надежды к черной судороге безысходности и отчаяния. Праздник превратился в кошмар. Мое появление произвело такое впечатление, какого я никак не ожидал. Едва я переступил через подоконник, как мгновенный, безграничный, чудовищный ужас обрушился на них, исказил их лица, вырвал крик из каждой груди. Началось паническое бегство, некоторые упали в обморок и их уволокли обезумевшие приятели. Многие, закрыв лицо руками, слепо и беспомощно метались, ища спасения, натыкаясь на стены и сбивая мебель, пока не находили выход.

Я стоял в залитой светом опустевшей зале, прислушиваясь к затихающим воплям, и с содроганием думал о невидимом ужасе, затаившемся где-то рядом. На первый взгляд, комната была совершенно пуста, но когда я двинулся к одному из альковов, мне почудилось слабое движение где-то за золоченой аркой дверного проема. Зайдя в альков, я ясно ощутил чье-то присутствие, и первый и последний звук, вырвавшейся из моей груди - ужасный вой, почти столь же омерзительный, как и то, что его вызвало: освещенное пугающе ярким светом неопишное, невообразимое, невероятное чудовище, одним своим видом превратившее веселую компанию в толпу полупомешанных.

Я не решаюсь даже описать его - это была смесь всего самого жуткого и отвратительного, демонический призрак древности, разрухи и одиночества, невиданное доселе грязное промокшее привидение, обнажившаяся тайна - из тех, какие милосердная природа старается упрятать поглубже. Видит бог, это было существо не нашего мира, - или, по крайней мере, уже не нашего, - но, к моему ужасу, я улавливал в его изъеденных временем чертах зловонную, отвратительную пародию на человеческий образ.

Мне не хватило сил даже на слабую попытку к бегству, запоздалую и бессильную перед скованными меня чарами безмолвного безымянного монстра. Слово заколдованный мерзким неотрывным взглядом его безжизненных глаз, я был не в силах даже зажмуриться и мог лишь благодарить милосердные слезы, размывавшие очертания страшного существа. Я хотел было поднять руку, чтобы закрыться от его взгляда, но и это мне не удалось: я потерял равновесие, шагнул вперед, чтобы не упасть, и тут ощутил, что жуткая тварь совсем рядом. Мне казалось, что я слышу ее мерзкое дыхание. Обезумев от ужаса, я выбросил вперед руку, защищаясь от зловонного призрака, и мироздание дрогнуло, сотрясаемое судорогой омерзения, когда мои пальцы коснулись протянувшейся ко мне лапы чудовища, стоящего за золоченой аркой...

Не я вскрикнул, но все демоны ада, мчащиеся на оседланных ночных ветрах, диким воплем стронули лавину разрушительных воспоминаний, рухнувшую на меня. Теперь я знал все. Я помнил, что было со мной до того, как я очутился в мрачном замке, окруженном лесом, я знал, в чьем изменившемся жилище я нахожусь, и я знал самое ужасное - я узнал то безобразное чудовище, что злобно пялилось на меня, когда я отдергивал запятнанные пальцы от его руки.

Но есть в мире не только горечь, но и бальзам, и для меня этот бальзам - забвение. В непереносимом ужасе этого мгновения я забыл все потрясшее меня, и вспышку страшных воспоминаний поглотил хаос мелькающих видений. И вот я уже бегу прочь от громады чуждого замка, беззвучно мчусь в лунном свете. Вот часовня, мраморные плиты и колонны, я спускаюсь по ступенькам и пытаюсь открыть каменный люк, но он недвижим; я не огорчен, я давно ненавижу замок заодно с деревьями. Теперь я летаю в ночных ветрах вместе с демонами, а днем играю в катакомбах Нефен-Ка в потаенной долине Хадата у берегов Нила. Я знаю, что свет - не для меня, разве что лунный свет на каменных надгробьях Неб. Я не создан для веселья, для меня лишь празднества Нитокриса под Великой Пирамидой; но в моей вновь обретенной свободе одиночества я почти рад горечи отчуждения.

Ведь несмотря на сладость забвения, мне не дано забыть, что я изгой; я чужой в этом столетии, среди тех, которые зовутся людьми. Я помню это с тех пор, как протянул пальцы к этой мерзости в богато позолоченной раме, протянул пальцы и коснулся холодной неподатливой поверхности полированного стекла.

Перевод: Ян Шапиро

1992 год